

ДОКУМЕНТАЦИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СЕЛЬСКИХ ЦЕРКВЕЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается один из эпизодов активизировавшегося на рубеже XIX–XX вв. церковного строительства в Сибири – история строительства церкви в дер. Митрофановке Томской губернии. Поднимается проблема изучения консисторской документации о строительстве церквей как единого источникового комплекса. Предложены способы анализа данной документации в рамках исследования православного ландшафта таежной Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; консисторская документация; источниковедение.

В Государственном архиве Томской области сохранилось множество дел о строительстве церквей в Томской епархии. Значительная их часть относится к рубежу XIX–XX вв. – времени наиболее интенсивного церковного строительства в Сибири. Массовые переселения, политика правительства по удовлетворению «духовных нужд» переселенцев, сложная этноконфессиональная география региона обусловили весьма богатый и разнообразный состав этих дел.

Цель данной статьи – на примере строительства церкви в дер. Митрофановке Томской губернии изучить познавательные возможности сохранившейся в фондах духовных консисторий документации по церковному строительству. При этом речь пойдет не только о том, в какой мере подобного рода источники отражают объективную сторону церковного строительства и участия крестьян в этом деле, но и о самой этой документации и представленных в ней крестьянских прошениях как о продукте специфических взаимоотношений. Представляется, что такой подход вносит нечто новое в понимание «православного ландшафта» России в целом и Сибири в частности – той сложной и продуктивной сети социальных связей, которая формировалась вокруг сакральных мест официального и народного православия [1].

За последние годы в исторической науке неизмеримо много сделано в реконструкции православного мировоззрения и поведения российского крестьянства. Масштаб усилий соизмерим с задачей: стремлением понять то многовековое упорство, с каким русский крестьянин претворял «царство Божье» на земле. За столь сложным предметом исследования лежат, однако, вполне конкретные источниковедческие проблемы. И, представляется, что логика научного исследования именно сейчас требует возвращения к ним. О насущности этого писал, в частности, влиятельнейший в области изучения российского православия Г. Фриз, призывавший к необходимости возвращения научного нарратива на микроуровень и «историзации» местных архивов. Это должно привести, по мнению Фриза, к отказу от рассмотрения деятельности церкви как «института» и смещению проблематики в сторону понимания тех напряженных взаимоотношений, которые существовали между попытками элиты институализировать православие и множественными реакциями рядовых верующих на них (степень

напряженности которых и могут раскрыть лишь местные архивы) [2].

Представляется, что документация о строительстве церквей является именно тем источником, который нуждается в подобной «историзации». Строительство церкви являлось важнейшим элементом приходской жизни и храмовой культуры российских крестьян, а основной массив свидетельств о нем сохранился в консисторских делах. При этом историки и этнографы, работающие с этими источниками, констатируют их ограниченность и неполноту. Так, Н.Д. Зольникова назвала документацию о строительстве церквей «наиболее консервативным» [3. С. 103] типом источников, исходящим от приходской общины.

Речь идет, прежде всего, о высокой степени формализации строительной документации, когда за отшлифованными на протяжении десятилетий бюрократическими процедурами оформления крестьянских прошений терялась их субъективность – основной проблемой их изучения тогда становится растущее на протяжении XVIII–XIX вв. вмешательство властей в приходскую жизнь. Похожим образом дело обстоит и в рамках изучения «народного православия» – пожалуй, ключевой парадигмы изучения православия в среде российских крестьян – так, Л.В. Островская говорила об их тематической односторонности [4. С. 165], в то время как В.Ф. Шевцова, сравнивая историю участия крестьян в церковном строительстве с неммым кинематографом, «в котором мы следим за действием, не слыша диалогов», суммировала свои наблюдения следующим образом: «...лишь изредка документы и прошения, относящиеся к строительству или поддержанию приходских церквей, доносят до нас подробно изложенные размышления верующих о значении храма и о смысле, который в нем заложен» [5. С. 98]. В этом смысле изучение делопроизводственной документации в качестве единого целого, понимание ее как продукта диалога крестьянского и внешнего миров во всем многообразии его возможных стратегий и в широком социальном контексте позволяет по-новому взглянуть на религиозное поведение российского общества в позднеимперский период.

Деревня Митрофановка расположена на востоке томско-чулымской тайги по левому притоку Чулыма Кужербаку. Основана она в середине XIX в. переселенцами из Воронежской губернии, существуя внача-

ле как заимка, а затем, после выхода в 1876 г. положения «О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давних времен», предоставлявшего самовольным переселенцам право на устройство, – в качестве отдельного населенного пункта. Население деревни росло на протяжении всего рассматриваемого периода за счет вновь прибывавших самовольных переселенцев, поэтому даже в начале XX в. она считалась новопоселенческой [6. С. 50]. К началу 1890-х здесь проживало 340 человек. С этого же времени по соседству происходит образование переселенческих участков и их постепенное заселение. В административном отношении Митрофановка относилась к Ишимской волости, а с 1894 г. – к Ново-Кусковской; в церковном – к Ново-Кусковскому же приходу.

В 1895 г. жители деревни на общинном сходе решили обратиться к губернскому начальнику с ходатайством о выделении средств на строительство церкви. Свою просьбу митрофановцы мотивировали весьма стандартно: они указывали на отдаленность и труднодоступность их приходской церкви. Действительно, храм Казанской иконы Божьей матери в Ново-Кусково располагался на расстоянии в 30 верст, а тажежная дорога к нему делалась в распутицу непроездной. В удовлетворении этой просьбы митрофановцам было отказано, но она стала лишь первой в череде подобных; уже через год они будут ходатайствовать по тому же вопросу перед Томской духовной консисторией. Строительство церкви в итоге растянется на десять лет, а отложившиеся материалы составят дело более чем на 150 листах [7]. Причина затягивания проста – в своем желании иметь церковь митрофановцы весьма скромно оценивали собственные возможности: в приговоре от 15 октября 1896 г. они писали, что не в состоянии ни самостоятельно построить церковь, ни даже содержать причт, и просили обеспечить все это за счет казны.

Если следовать некому усредненному порядку дел о строительстве сибирских церквей, реконструируемому исследователями [8. С. 73–76], то случай митрофановцев предстает нетипичным. Прежде всего, это касается финансовой стороны дела. По существующему порядку два условия были необходимы для одобрения церковного строительства: удаленность приходской церкви должна была соотноситься с определенным, весьма высоким, уровнем финансовой состоятельности крестьянского сообщества. Епархиальные чиновники весьма строго оценивали возможности крестьян по строительству и в будущем по содержанию церкви и причта. Так, десятилетием ранее жители расположенной на юге томско-чулымской тайги деревни Александровки были гораздо сдержаннее митрофановцев в своей просьбе выделить около 100 руб. на строительство часовни, но тогда делу не был дан ход [9. С. 24–26]. С этим, вероятно, связана и вторая особенность – за финансовой помощью митрофановцы обращаются к губернским властям, хотя в целом вопрос находился в ведении духовной консистории.

Эти нарушения привычного порядка, разумеется, объясняются спецификой самой ситуации – активизировавшимся на рубеже веков строительством церквей

в Сибири, связанным с усиленной колонизацией края. Но это на «глобальном» уровне – более пристальный взгляд показывает нечто другое, а именно смещение привычных диспозиций участников церковной жизни сибирской деревни. Ключевой фигурой на первом этапе «дела» предстает не крестьянская община, а местный чиновник по крестьянским делам Г.С. Томашинский. Данная примечательная категория чиновничьего аппарата играла отнюдь не координирующую роль, как это может показаться вначале: в эпоху своего существования именно эти должностные лица фактически осуществляли церковное строительство в переселенческих поселках в Сибири, ведая в том числе финансовой стороной и непосредственно руководя строительными работами. О Г.С. Томашинском будут вспоминать, например, как о строителе храма в с. Александровке во время его освящения в 1899 г. [10. С. 54–56].

Часто подобные обязанности крестьянских чиновников были связаны и с возможностью злоупотреблений, о чем писал, например, А.А. Кауфман, приводя случаи принуждения крестьян чиновниками писать прошения о строительстве церквей [11. С. 111, 112]. Говорить о таком крайнем варианте в случае с Митрофановкой нельзя: митрофановцы будут активно ратовать за строительство церкви и после упразднения должности чиновника по крестьянским делам в 1898 г. Но с некоторой степенью уверенности можно предполагать, что идея обращения за финансовой помощью была действительно инициирована крестьянским начальником, убедившим митрофановцев в том, что настал удобный момент для претворения в жизнь их надежд на собственную церковь.

Момент действительно был подходящий. Не случайно большинство таежных церквей построено непосредственно в конце 1890-х гг. Фонд имени императора Александра III начал свою работу в 1894 г. со сбора пожертвований и составления списка нуждающихся в церквях сибирских селений. Сведения об этом доставляли те же крестьянские чиновники. В итоговом списке таких поселков, приводимом А.Н. Куломзиным в 1896 г., Митрофановка действительно упоминается, однако лишь в связи с необходимостью строительства церкви в близлежащем пос. Казанском. Предполагалось, что к ней и может быть впоследствии причислена «расположенная в глухой тайге» Митрофановка (интересно, что сама тайга при этом характеризовалась как «населенная множеством сектантов») [12. С. 220]. Хотя к этому времени митрофановцы уже выразили желание иметь свою церковь, А.Н. Куломзин, по-видимому, руководствовался тем фактом, что вблизи Казанского гораздо активнее образовывались и заселялись переселенческие участки. Действительно, церковь в честь Зачатия св. Анны в Казанском была вскоре построена фондом за счет средств, завещанных известным московским благотворителем купцом И.Д. Баевым [13. С. 40]. Рассчитывать на финансовую помощь Комитета Сибирской железной дороги в таких условиях митрофановцы не могли. Именно поэтому, вероятно, Г.С. Томашинский и обратился к губернским властям (по постановлению 1893 г. крестьянские чиновники

имели право ходатайствовать перед губернским советом о выделении средств на удовлетворение общественных потребностей переселенцев) [14. С. 88–91].

Таким образом, контекст строительства уже на первом его этапе предстает достаточно широким. Дальнейшее рассмотрение дела лишь усиливает эту тенденцию на возрастание степени социального взаимодействия, и само оно предстает как продукт сложной сети переговоров.

После отказа губернских властей последовал повторный сход крестьянской общины, решение которого Томашинский отправил уже в духовную консисторию, сопроводив письмом, существенно расширявшим аргументацию в пользу строительства. Повторив сведения об удаленности деревни от приходского центра и многочисленности ее обитателей, Томашевский попытался усилить эти тезисы тем фактом, что Митрофановка «окружена заимками и скитами раскольников, находящихся себе приют в глухой чулымской тайге и не раз присылающих в Митрофановку своих начетчиков для совращения православного населения» [7. Л. 1]. Строительство церкви обозначалось как устройство «твердой опоры православия» и «основы для миссионерской деятельности». Отметим, что вблизи от Митрофановки по р. Большой Юксе действительно располагались заимки и скиты старообрядцев белокриницкого согласия, выступая в качестве мощных центров притяжения старообрядцев.

После получения ходатайства крестьян и сообщения Томашинского, консистория приступила к поиску решения, запросив у местного благочинного сведения о деревне и его мнение относительно строительства церкви. В отличие от гражданского чиновника, благочинный Н. Завадовский был настроен гораздо более скептически и описал ситуацию с точки зрения собственного опыта. В своем рапорте он в целом негативно оценивал необходимость строительства: по его мнению, крестьяне сами виноваты в отсутствии сообщения с приходской церковью («по своему обычному упрямству не исправляют в сем месте дорогу»), а самое главное, напомнил консистории, что новый приход будет слишком малочисленным и бедным, чтобы содержать причт, в то время как все вместе прихожане новокусовского прихода не в состоянии содержать свой настоящий причт, и притока населения в Митрофановку и соседние участки не предвидится [Там же. Л. 3]. Об угрозе со стороны старообрядцев он при этом не упоминал.

В распоряжении консистории оказалась совокупность мнений как «за», так и «против». Журнал заседания не содержит ясного ответа, почему решение было принято положительное и за счет каких именно средств должна была быть удовлетворена просьба. Но если сравнить позицию благочинного и консистории, то можно прийти к выводу, что руководство епархии в гораздо большей степени смогло учесть новые возможности, предоставляемые меняющимся политическим климатом.

Прежде всего, консистория могла рассчитывать на то, что церковное строительство в Сибири оказалось в этот период в центре общероссийской благотворительности. В литературе достаточно исследована роль

такой организации, как фонд имени императора Александра III, однако зачастую не учитывается то, что его функционирование было в известной мере обеспечено за счет хорошо налаженной «обратной связи»: благодаря бурному развитию православной публицистики на рубеже XIX–XX вв. информация об удручающем положении православия в Сибири могла найти и находила потенциальных жертвователей. Инициатива здесь принадлежала правительству, а само дело благотворительности находилось под личной опекой императора. Факт этого внимания постоянно подчеркивался епархиальной прессой, как, например, в случае с трогательной заметкой Николая II на докладе А.Н. Куломзина о строительстве трех церквей в томской тайге (в пос. Некрасовском, Казанском и Улановском), гласившей, что император «искренне радуется столь успешному ходу дела» [15. С. 2]. В это время на страницах центральной и местной прессы развернулась активная пропаганда церковного строительства, главный упор в которой делался на специфику местной обстановки – положение православных переселенцев в населенной старообрядцами, ссыльными и равнодушными к вере старожилами Сибири. Так об этом писал, в частности, А.Н. Куломзин, обращаясь к читателям главного православного издания России: «Следует опасаться, как бы переселенцы, попав в Сибирь, не сделали под влиянием местной обстановки шага назад в своем развитии» [16. С. 1737]. Похожим образом и в светской печати приветствовалось строительство церквей в притаежных участках как важнейший шаг на пути колонизации тайги и свидетельство ее успешности: «раскольничьи монастыри и скиты, еще так недавно находящиеся в пустой тайге, теперь оказались в соседстве с поселками» [17. С. 3]. Именно в контексте таких настроений Томашинский и чиновники томской консистории пытались воздействовать на Синод, указывая на желание митрофановских крестьян «оградить себя от влияния расколуучителей, во множестве живущих около них в тайге по заимкам, и таким образом поддержать среди себя православие» [7. Л. 28]. Эта мысль во многом и предопределяла отношение епархиальных властей к строительству приходов в тайге, выступая в качестве основного аргумента в их переписке с Синодом, отвечающим за распределение финансовых потоков.

По мере того, как тянулась переписка между консисторией и Синодом, крестьяне все больше выказывали свою заинтересованность в строительстве. За восемь лет, что прошли с момента их первой просьбы, они показали многообразие различных стратегий поведения. В многочисленных прошениях они ссылались, прежде всего, на трудности с требованиями: ходатайства полны жалоб на неудобства исполнения необходимых обрядов. Находясь в неведении относительно хода рассмотрения их просьбы, они грозились жаловаться на промедления, что даже однажды вынудило консисторию повторно обратиться в Синод [Там же. Л. 40]. Они также пытались воспользоваться и «политической обстановкой», как они ее понимали: предлагали, например, в 1896 г. назвать церковь в «память священного коронования их Императорского величества Государя и Государыни» во имя Св. Николая

[Там же. Л. 9] (в конечном итоге церковь будет построена в честь св. Митрофания Воронежского). Они постоянно напоминали консистории, что приложат все усилия для заготовки необходимых материалов, если будет разрешена вырубка казенного леса. Была предпринята и попытка сбора средств, давшая вполне осязаемый, но недостаточный результат. Постепенно строительство церкви становилось делом не только одной Митрофановки, к нему подключались и соседние заселяемые участки, на что также ссылались митрофановцы, оговаривая, правда, что новопоселенцы пока не в состоянии активно помочь делу церковного строительства по причине бедности.

Наиболее поразительный факт заключался, однако, не в том, на что ссылались митрофановцы, а в том, о чем они не говорили: несмотря на постоянные отсылки епархиального руководства к жалобам митрофановцев на «раскольническую угрозу», в самих общинных приговорах таких жалоб нет. На фоне того значения, которое этому придавалось епархиальным и синодальным руководством, этот факт показателен. Конечно, не все приговоры отложились в деле (не достаёт, например, самого первого), и составлялись они по весьма стандартной форме. Но нельзя ли предположить, что включение таких жалоб в общинные приговоры блокировалось лояльными к старообрядчеству крестьянами Митрофановки?

Определенная дифференциация общины по вопросу церковного строительства проходила и по другим основаниям. Если наименьшую активность проявляли переселившиеся крестьяне из соседних с Митрофановкой участков, не готовые пока ни к финансовым пожертвованиям, ни к участию в строительных работах, то во главе большинства инициатив стояла достаточно узкая группа крестьян. От них исходила большая часть пожертвований, и из этой среды же выбирались доверенные и сборщики. С несколько обезличенными и однотипными крестьянскими приговорами контрастирует полное драматизма прошение митрофановских доверенных Макара Потапова и Андрея Синютина, с которым они вышли на имя томского епископа в январе 1903 г. Ключевой мотив этого прошения – это описание положения крестьян Митрофановки, «погибающих без пастыря, брошенных судьбою в самую глушь лесов и болот» [7. Л. 70]. Как раз здесь и можно увидеть реальное положение дел со старообрядцами, как оно выглядело со стороны «активистов» церковного строительства, не скованных в своем обращении мнением общинного большинства. Для них эта проблема была неотделима от проблемы колонизации региона. Доверенные жаловались на вновь прибывающих переселенцев, среди которых было много представителей «раскольнических сект», которые вместе с миссионерами из «раскольнических монастырей, близлежащих около наших деревень»

пытаются пропагандировать свое учение. Характерно, что объектом этой пропаганды доверенные считали представителей неких других старообрядческих соглашений (из числа переселенцев), а также «молодое поколение» самой Митрофановки, признавая в то же время самих себя верными православию [Там же. Л. 69]. Насколько эта картина действительно отражает реальность, судить сложно; в этих сентенциях крестьянских доверенных слышится страх не столько перед старообрядцами, сколько в целом перед новыми переселенцами, несущими угрозу их устоявшемуся жизненному укладу. Характерно, что лишь на позднем этапе переговоров с консисторией данный аргумент вообще появляется.

В конечном итоге постоянные прошения крестьян и письма консистории дали свой результат. Указом Синода от 11 июня 1903 г. крестьянам деревни Митрофановки было выделено 3 000 руб. на строительство церкви. Церковь во имя Св. Митрофания Воронежского строилась на деньги, завещанные Н.Н. Варенцовым (сохранились переданные его племянником слухи относительно обстоятельств этого пожертвования) [18. С. 461, 462].

На этом самая напряженная часть истории строительства церкви в Митрофановке закончилась, хотя даже после освящения храма 12 ноября 1906 г. открыть приход не удавалось на протяжении нескольких лет. Выявилась другая проблема – материального обеспечения духовенства. Решить ее за счет средств прихожан было невозможно в условиях бедных и расколотых таежных общин. И только в рамках мероприятий основанного в 1908 г. «Особого совещания о церковных нуждах в переселенческих местностях» появятся возможности для увеличения казенного содержания священников.

В деле строительства церкви в дер. Митрофановке столкнулись интересы многих сторон: переселенцев и старожилов, таежных крестьян и томских чиновников, консистории и Синода. Само «дело» можно адекватно понять, лишь если рассматривать его в качестве единого комплекса, привлекая дополнительные материалы из периодики и законодательства. Взаимосвязанные группы документов рисуют картину плотного социального взаимодействия, а само церковное строительство предстает как ключевой фактор в складывании определенной социальной сети, по которой циркулировала информация, а вместе с ней и финансовые ресурсы. Успешность ее функционирования зависела от многих факторов, среди которых ресурс коммуникации был наиважнейшим. Но одновременно с этим она переформатировала саму традиционную структуру крестьянского общества, налаживая вертикальные связи и уплотняя связи горизонтальные, делая конфессиональное поведение одних крестьян более сознательным и выявляя равнодушные к официальной церкви других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
2. Фриз Г. Открывая заново православное прошлое: микроисторический подход к религиозной практике в России периода империи // Нестор. № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 369–395.

3. Зольникова Н.Д. Делопроизводственные материалы о церковном строительстве как источник по истории приходской общины Сибири (начало XVIII – конец 60-х гг. XVIII в.) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1983. С. 102–116.
4. Островская Л.В. Прощения в консисторию и Синод как источник для изучения социальной психологии крестьянства пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1982. С. 165–181.
5. Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.
6. Толстов С.И. Освоение русскими людьми асиновской земли в XVII–XIX вв. // Земля асиновская. Томск, 1995. С. 42–58.
7. Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 7. Д. 33.
8. Устьянцева О.Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 259 с.
9. Бурматов А. Из деревни Александровки // Томские епархиальные ведомости. 1886. № 7. С. 24–26.
10. Освящение Храма в селении Александровском Томского уезда, благочиния № 3 // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 9. С. 54–56.
11. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. 443 с.
12. Список поселков, нуждающихся в церквях // Куломзин А.Н. Приложения к всеподданнейшему отчету по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896.
13. Сибирские церкви и школы: к десятилетию Фонда имени императора Александра III. СПб. : Гос. тип., 1904. 119 с.
14. Сибирские переселения. Вып. 2 : Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. Новосибирск : Сова, 2006. 263 с.
15. Высочайшая отметка // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 24.
16. Куломзин А.Н. Стрoение церквей и школ в Сибири // Прибавления к церковным ведомостям. 1896. № 47. С. 1735–1740.
17. Заселение притаежных мест // Сибирская жизнь. 1899. № 249.
18. Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. М. : НЛЮ, 1999. 844 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2014 г.

DOCUMENTS ON CONSTRUCTION OF RURAL CHURCHES AS A HISTORICAL SOURCE (TOMSK PROVINCE DATA)

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 139-144.

Vasilyev Artem V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: art001@sibmail.com

Keywords: Siberia; documents of eparchial consistories; Source criticism.

The article is devoted to a small episode from the history of Church building in the Russian Empire at the turn of the 20th century, namely, the history of construction of a temple in a distant taiga village of Tomsk Province, Mitrofanovka. Narrower, its subject relates to the problem of the cognitive potential of a specific type of sources, documents on the construction of orthodox temples-, preserved in the funds of spiritual consistories. Mass migration from European Russia, the policy of government in the “support of the spiritual needs” of settlers, complicated ethno-confessional geography of the region caused very rich and versatile composition of these documents. So one can talk not only about the extent to which such sources reflect the objective side of Church building and Russian peasants’ participation in it, but also about these documents and peasants’ appeals they include as a specific product of specific social relations. At the practical level, such an approach also contributes something new to the understanding of the “religious landscape” of Russia and Siberia in particular: the complex and productive social network that emerged around the sacral places of official and popular Orthodoxy. The construction of the temple in the village of Mitrofanovka caused the collision of interests of many parties: settlers and old residents, taiga peasants and Tomsk officials, the Consistory and the Synod. All of them demonstrated different behavior strategies; common, however, was the use of the argument associated with the Old Believers’ threat. But if for officials this argument was central, not every peasant appeals, despite their dramatic character, even mentioned the old believers, which should highlight the contradictory nature of the coexistence of the two denominations. The case of Mitrofanovka can be adequately evaluated only as a single whole, by involving additional materials from periodicals and legislation as a context. A coherent group of documents creates a picture of a dense social interaction and Church building seems to be a key factor in the formation of a particular social network, where information and financial resources circulated. The success of its functioning depended on many factors, among which the potential of communication was one of the most important. But at the same time (and in exchange for) this network reshaped the traditional structure of peasant society establishing vertical communication and intensifying horizontal communication, making confessional behavior of some peasants more conscious and revealing indifference to the official Church of others.

REFERENCES

1. Dutchak E.E., Vasil'ev A.V., Kim E.A., Polezhaeva T.V. Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: the Concept of Research. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Journal of Siberian Historical Research*, 2013, no. 1, pp. 79-90. (In Russian).
2. Friz G. Otkryvaya заново православное прошлое: mikroistoricheskiy podkhod k religioznoy praktike v Rossii perioda imperii [Reopening the Orthodox past: micro-historical approach to religious practice in the Russian Empire period]. *Nestor*, 2007, no. 11, pp. 369-395.
3. Zol'nikova N.D. *Deloproizvodstvennyye materialy o tserkovnom stroitel'stve kak istochnik po istorii prikhodskoy obshchiny Sibiri (nachalo XVIII – konets 60-kh gg. XVIII v.)* [Clerical materials on the church building as a source on the history of the parish community of Siberia (early 18th - late 1860s)]. In: Pokrovskiy N.N., Romodanovskaya E.K. (eds.) *Rukopisnaya traditsiya XVI–XIX vv. na vostoке Rossii (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri)* [Manuscript tradition of the 16th-19th centuries in the east of Russia (Siberian archeography and source studies)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983, pp. 102-116.
4. Ostrovskaya L.V. *Prosheniya v konsistoriyu i Sinod kak istochnik dlya izucheniya sotsial'noy psikhologii krest'yanstva poreformennoy Sibiri* [Petitions to the consistory and the synod as a source for the study of social psychology of the peasantry in post-reform Siberia]. In: Pokrovskiy N.N., Romodanovskaya E.K. (eds.) *Istochniki po kul'ture i klassovoy bor'be feodal'nogo perioda (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri)* [Sources for culture and the class struggle of the feudal period (Siberian archeography and source studies)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982, pp. 165-181.
5. Shevtsova V.F. *Pravoslaviye v Rossii nakanune 1917 g.* [Orthodoxy in Russia on the eve of 1917]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2010. 488 p.
6. Tolstov S.I. *Osvoenie russkimi lyud'mi asinovskoy zemli v XVII–XIX vv.* [Development of Asino land by the Russian people in the 17th-19th centuries]. In: Yakovlev Ya.A. (ed.) *Zemlya asinovskaya* [Asino land]. Tomsk, 1995, pp. 42–58.
7. The State Archive of Tomsk Region. Fund 170. List 7. File 33.

8. Ust'yantseva O.N. *Tomskaya eparkhiya v kontse XIX – nachale XX veka*. Dis. kand. ist. nauk [Tomsk diocese in the late 19th – early 20th centuries. History Cand. Diss.]. Kemerovo, 2003. 259 p.
9. Burmatov A. Iz derevni Aleksandrovki [From Alexandrovka village]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1886, no. 7, pp. 24-26.
10. Osvyashchenie Khrama v selenii Aleksandrovskom Tomskogo uyezda, blagochiniya № 3 [Consecration of the Temple in the village of Alexandrovka of Tomsk uyezd, deanery no. 3]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1899, no. 9, pp. 54-56.
11. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization] St. Petersburg : Tip. tov-va "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1905. 443 p.
12. Spisok poselkov, nuzhdayushchikhsya v tserkvyakh [List of villages in need of churches]. In: Kulomzin A.N. *Prilozheniya k vsepoddanneyshemu otchetu po poezdke v Sibir' dlya oznakomleniya s polozheniem pereselencheskogo dela* [Supplements to the report on the trip to Siberia to study the situation of resettlement cases]. St. Petersburg, 1896.
13. *Sibirskie tserkvi i shkoly: k desyatiletiyu Fonda imeni imperatora Aleksandra III* [Siberian churches and schools: the tenth anniversary of the Foundation named after Emperor Alexander III]. St. Petersburg : Gos. tip. Publ., 1904. 119 p.
14. Shilovskiy MV. (ed.) *Sibirskie pereseleniya* [Siberian resettlement]. Novosibirsk: Sova Publ., 2006. Issue 2, 263 p.
15. Vysochayshaya otmetka [The highest mark]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1899, no. 24.
16. Kulomzin A.N. Stroenie tserkvey i shkol v Sibiri [The construction of churches and schools in Siberia]. *Pribavleniya k tserkovnym vedomostyam*, 1896, no. 47, pp. 1735-1740.
17. Zaselenie pritaezhnykh mest [Settlement of near-taiga places]. *Sibirskaya zhizn'*, 1899, no. 249.
18. Varentsov N.A. *Slyshannoe. Vidennoe. Peredumannoe* [Heard. Seen. Rethought]. Moscow: NLO Publ., 1999. 844 p.

Received: 10 April 2014